

IV.

Поправки и дополненія къ статьѣ: „Изъ академической жизни. Магистерскій диспутъ ректора Подольской Духовной Семинаріи протоіерея Н. П. Малиновскаго”.

Въ этой статьѣ, помѣщенной въ іюньской книжкѣ Богословскаго Вѣстника, изложены мои возраженія диспутанту протоіерею Н. П. Малиновскому. Авторъ статьи М. Б. записывалъ ихъ во время самаго диспута, но не стенографически. Не удивительно поэтому, что въ его изложеніе моихъ возраженій вкралось много ошибокъ. Въ однихъ случаяхъ онъ не успѣвалъ записать мои возраженія буквально; въ другихъ случаяхъ, повидимому, ему измѣнили слухъ; въ третьихъ, случаяхъ, онъ, кажется, не вполне понялъ мои слова по недостаточной освѣдомленности о предметѣ рѣчи. Въ результатѣ много ошибокъ; есть и немаловажныя.

Я очень сожалѣю, что М. Б. не показалъ своего описанія диспута, чтобы я могъ исправить его раньше напечатанія. Приходится сдѣлать исправленія теперь посредствомъ печати.

М. Б. пишетъ: „Словъ *трие суть*—въ древнихъ спискахъ новозавѣтнаго текста нѣтъ“.

Послѣ *трие суть* нужно было поставить многоточіе, а иначе люди, мало знакомые съ богословіемъ, могутъ подумать, что въ древнѣйшихъ спискахъ отсутствуютъ только эти два слова, а не весь стихъ, который ими начинается.

На 257-й стр. М. Б. пишетъ: „Въ доказательство того, что Богъ—Творецъ всего міра, Вы цитуете, не приводя самого текста, различныя мѣста изъ Священнаго Писанія Вѣтхаго и Новаго Завѣтовъ, которыя приведены и у Пресвященнаго Макарія, но среди нихъ есть такія, которыя указы-

вають болѣе на установленіе нравственнаго міропорядка, чѣмъ на твореніе, какъ, напр., 7 стихъ 45 главы пророка Исаи: Азъ... творяй миръ и зиждай злая: Азъ Господь Богъ, творяй сія вся; 12 стихъ 10 главы прор. Іереміи“.

На 12 стихъ 10-й главы Іереміи я вовсе не ссылался, а указаль я на 12 и 18-й стихи той же 45-й главы Исаи, говоря, что хотя и въ 7-мъ стихѣ 45-й главы Исаи говорится о сотвореніи свѣта и тьмы; но всетаки гораздо лучше было сослаться на 12 и 18-й стихи той же главы, гдѣ говорится о сотвореніи неба и земли. Сущность моего возраженія состояла въ томъ, что о. Малиновскій слишкомъ рабски и безъ справокъ въ Библии беретъ цитаты изъ пособій, въ данномъ случаѣ изъ догматики Макарія. У Макарія указанъ 7-й стихъ 45-й главы Исаи, и о. Малиновскій приводитъ его; у Макарія нѣтъ ссылки на 12-й и 18 стихи той же главы, но упомянуты они и у О. Малиновскаго, несмотря на то, что они болѣе подходятъ къ предмету рѣчи, нежели 7-й стихъ.

На 258-й стр. мои слова о воинствахъ небесныхъ переданы не точно. Я сказалъ такъ: „Въ подтвержденіе того, что именовъ воевъ небесныхъ называются ангелы, Вы ссылаетесь на книгу Судей 5, 20; но тамъ слова цава, или цева—отъ (воинство, воинства) нѣтъ, а поставлено слово гаккохавимъ, что значить звѣзды. Еще ссылаетесь Вы на книгу Іова; но тамъ тоже употреблено слово кохбей—звѣзды, и еще выраженіе бней элогимъ—сыны Божии. Еще ссылаетесь на псаломъ 96, стихъ 7-й; но тамъ поставлено слово элогимъ“.

М. Б. указанія мои на книгу Судей и на 96-й псаломъ опустилъ вовсе; а съ другой стороны сослался на 15-й стихъ 15-й главы Іова и на 21-й стихъ 102-го псалма, на которые я не ссылался. Въ книгѣ о. Малиновскаго эти цитаты есть, но я противъ нихъ не возражалъ.

Въ передачѣ моихъ словъ о Тертуллианѣ М. Б. допустилъ двѣ ошибки. Римскій императоръ Каракалла царствовалъ до 217, а не до 212 года; Тертуллианъ, полагають, умеръ не раньше 217-го года, а не въ 212-мъ году.

На 262-й стр. М. Б. говоритъ: „Мнѣніе о паденіи ангеловъ чрезъ плотское сношеніе, по Вашему утверженію, по преимуществу было распространено въ еврейской литературѣ“.

М. Б. ослыхался: вмѣсто *еретическая литература* ему показалось—*еврейская литература*. У о. Малиновскаго на 73-й стр. нѣтъ даже упоминанія о еврейской литературѣ, и я не говорилъ о ней. Возраженіе состояло въ томъ, что о. Малиновскій на 166 стр. 2-й части (а не на 73-й стр.) признаетъ мнѣніемъ еретиковъ взглядъ, будто грѣхъ прародителей состоялъ въ томъ, что Адамъ позналъ жену; а я ему сказалъ, что этого взгляда держались не одни только еретики, а напр. Климентъ Александрійскій. Такимъ образомъ самое возраженіе касалось вовсе не ангеловъ, а прародителей.

На 266-й стр. М. Б. пишетъ: „Выраженіе *τὰ μὴ ὄντα* иногда обозначаетъ у Васъ полное небытіе, иногда же—небытіе относительное“.

Не иногда, а на одной и той же страницѣ, именно 11-й 2-й части, о. Малиновскій говоритъ въ примѣчаніи: „Съ филологической точки зрѣнія не одно и тоже *μὴ ὄντα* и *οὐκ ὄντα*; первое означаетъ бытіе въ смыслѣ условномъ, т. е. по сравненію съ другимъ бытіемъ, истинно сущимъ, а послѣднее—совершенное небытіе, ничто“; а въ текстѣ, разсуждая о томъ, что ветхозавѣтное ученіе о твореніи міра повторяется въ Новомъ Завѣтѣ, онъ приводитъ изреченіе Апостола Павла о Богѣ: *Ὁνъ нарицаетъ несущая, яко сущая (Καλῶν τὰ μὴ ὄντα, ὡς ὄντα)*. Это явное противорѣчіе, которое не ослабляется тѣмъ, что у Платона *μὴ ὄν* означало матерію. Если *μὴ ὄν* у Апостола Павла означаетъ безусловное небытіе, то нельзя уже безъ всякаго ограниченія утверждать, будто съ филологической точки зрѣнія *μὴ ὄν* означаетъ бытіе условное.

На 267-й стр. М. Б. говоритъ: „Вы утверждаете, что всѣ высшія и совершенныя органическія формы, по мнѣнію Дарвина, произошли отъ четырехъ или пяти первобытныхъ простыхъ формъ; къ такому утверженію Васъ побудилъ переводъ „Происхожденія видовъ“ Дарвина, сдѣланный Рачинскимъ, но если бы Вы воспользовались переводомъ Филиппова, то должны были бы придти къ совершенно иному заключенію“.

Въ этихъ словахъ нѣтъ даже и отдаленнаго сходства съ тѣмъ, что я говорилъ.

М. Б. или не понялъ моего возраженія, или не успѣлъ записать его полно и дополнилъ своими догадками, ко-

торія не соотвѣтствуютъ ни моимъ словамъ, ни тому, что есть въ переводѣ Филиппова. У о. Малиновскаго на 130-й стр. 2-й части сказано о дарвинизмѣ: „Основная мысль этой теоріи состоитъ въ томъ, что всѣ растительныя и животныя породы (существующія и вымершія), не исключая и человѣка, произошли черезъ естественное, постепенное преобразование низшихъ и болѣе простыхъ органическихъ формъ въ высшія и болѣе совершенныя отъ немногихъ первобытныхъ простыхъ формъ (по мнѣнію Дарвина—отъ четырехъ или пяти или даже отъ одной какой-либо первобытной формы)“. Въ этихъ словахъ не ясно сказано, оба-ли царства—растительное и животное—произошли отъ четырехъ—пяти формъ, или животное отъ своихъ четырехъ—пяти формъ, а растительное тоже отъ своихъ четырехъ—пяти формъ. Имѣя это недоумѣніе, я и спросилъ его, какъ нужно понимать его слова и какъ объ этомъ сказано въ переводѣ Рачинскаго, которымъ пользовался о. Малиновскій, добавивши, что у меня былъ въ рукахъ переводъ Филиппова, а не Рачинскаго. О. Малиновскій отвѣтилъ, что по ученію Дарвина каждое изъ этихъ двухъ царствъ природы произошло отъ своихъ четырехъ—пяти формъ. Этотъ отвѣтъ показалъ мнѣ, что о. Малиновскій правильно понялъ мысль Дарвина и только выразилъ ее въ книгѣ неясно. Я не знаю, ясно-ли выражена эта мысль въ переводѣ Рачинскаго, но въ переводѣ Филиппова она высказана вполне ясно и раздѣльно въ слѣдующихъ словахъ: „Я полагаю, что животныя произошли самое большее отъ четырехъ или пяти предковъ, а растенія отъ равнаго или меньшаго числа. Аналогія могла бы повести меня однимъ шагомъ далѣе, а именно къ допущенію, что всѣ животныя и растенія произошли отъ нѣкотораго единаго прототипа. Но аналогія можетъ быть обманчивымъ руководителемъ“ ¹⁾. Точно такъ же выражена эта мысль Дарвина и въ переводѣ К. Тимирязева, сдѣланномъ тоже съ 6-го исправленнаго и дополненнаго изданія и вышедшемъ въ свѣтъ въ 1896 году. Вѣроятно, и въ переводѣ Рачинскаго эта мысль выражена не иначе.

¹⁾ Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора или сохраненіе благопріятствуемыхъ породъ въ борьбѣ за жизнь. Полный переводъ съ послѣдняго (шестого) англійскаго изданія, 1895 г. М. Филиппова.

Поправляя написаніе собственныхъ именъ, я сказалъ о. Малиновскому, что богослововъ *Нитиса* и *Михелиса* нѣтъ, а есть *Нитшъ*, или *Ничъ*—догматистъ и *Михаэлисъ*—цѣлая фамилія знатоковъ Писанія. Но М. Б., ослышавшись, вмѣсто Нитшъ написалъ *Нихишъ*, вмѣсто Михаэлисъ — *Михаелюсъ* на 270 стр.

Подобная же невѣрность слуха заставила написать на 272-й стр.: „Въ Техническомъ музеѣ“, между тѣмъ какъ я сказалъ: „Въ политехническомъ музеѣ“.

На той же страницѣ М. Б. говоритъ:

„Послѣдній (Бекетовъ) въ своемъ докладѣ, излагая данныя опыта о приспособленіи растеній, такъ сказать, къ регулямъ жизни, напр., къ солнцу, можно сказать, даже иронически отнестя къ выводамъ относительно такого приспособленія Дарвина“.

Въ этихъ словахъ невѣрно переданы мои слова о докладѣ Бекетова. Я сказалъ не регулы, а *регуляторы* жизни, направители жизни. Въ данномъ случаѣ такимъ регуляторомъ названо солнце. Далѣе, Бекетовъ отнестя иронически къ ученію о приспособляемости не самого Дарвина, а многихъ его послѣдователей, которые, разсуждая напр. о взаимной приспособляемости между растеніями и насѣкомыми, не даютъ даже себѣ отчета, что къ чему приспособляется—цвѣтокъ-ли къ бабочкѣ, или бабочка къ цвѣтку.

Мои слова о способахъ оживленія догматики изложены на 272 и 273 стр. не точно и ошибочно. Я сказалъ, что попытки сообщить догматикѣ жизненность чрезъ привнесеніе въ нее ученія о нравственности, примѣромъ чего служить Антоній, не новы: онѣ издавна были предпринимаемы, напр., въ протестантскомъ богословіи. При этомъ не я, а диспутантъ сказалъ, что онѣ не были удачны. Что касается меня, то я отнюдь не могу нравственныя истины и ученіе о нихъ признать *чуждыми* догматикѣ. Истины христіанской нравственности имѣютъ свои корни и основы въ христіанскихъ догматахъ, а отсюда и научное изложеніе, обоснованіе и раскрытіе ихъ не возможно безъ основательнаго знанія догматики. И наоборотъ: догматистъ для углубленія въ свой предметъ и сообщенія ему жизненности можетъ многое воспринять изъ христіанскаго ученія о нравственности. Да и не изъ нравственнаго только богословія, а и изъ прочихъ бо-

гословскихъ наукъ догматистъ можетъ почерпать для себя полезныя знанія. Мало того: даже и свѣтскія науки—философія, исторія, естествознаніе, литература, какъ догматисту, такъ и богослову вообще могутъ дать много цѣнныхъ и мыслей и свѣдѣній. Но только я, въ защиту диспутанта, сказавъ, что онъ писалъ собственно учебникъ по догматикѣ, а въ учебникѣ по какой-бы то ни было наукѣ только эта наука и излагается и привнесеніе въ него элементовъ даже и изъ соприкосновенныхъ наукъ считается не достоинствомъ, а положительнымъ недостаткомъ. Еще менѣе позволительно требовать отъ учебника отвѣтовъ на запросы злобы дня, обсуждаемые въ періодической печати. Принимая во вниманіе, что книга о. Малиновскаго есть именно учебникъ по догматикѣ, я заявилъ, что раскрывать догматы философски, правоучительно, или еще какъ иначе удобнѣе въ проповѣдяхъ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ монографіяхъ, но не въ курсахъ, особенно если эти курсы по своему спеціальному назначенію не могутъ и не должны быть обширны. Эту мою мысль М. Б. опять таки изложилъ неправильно въ слѣдующей фразѣ: „Употребленіе новыхъ системъ (!) удобнѣе дѣлать въ проповѣдяхъ, спеціальныхъ монографіяхъ, но только не въ полныхъ и подробныхъ курсахъ“.

Наконецъ, по поводу рѣчи о философической догматикѣ я заявилъ, что само собой понятно, что требуется догматы разъяснять, а не нанизывать только тексты, не раскрывая смысла текстовъ и не разъясняя смысла и содержанія догматовъ. Но добавилъ, что вносить философію въ курсы догматики, подаваемые притомъ на ученія степени, не безопасно, и дѣлать это съ успѣхомъ могутъ только опытные и талантливые богословы. Но если въ догматикѣ философствованію и собственной мысли удѣляется слишкомъ большое мѣсто, а ученіе Священнаго Писанія и Церкви отодвигается на второй планъ, то въ такомъ случаѣ ни талантливость, ни опытность, ни ученость, ни добрыя намѣренія не могутъ представлять вѣрнаго обезпеченія противъ увлеченій и заблужденій. Въ примѣръ я указалъ на Шлейермахера. Это былъ философъ и богословъ, человѣкъ высокаго ума и глубокаго чувства, очень набожный, нерасположенный къ раціонализму и желавшій возбудить религіозность въ образованномъ обществѣ. Для этой послѣдней цѣли онъ читалъ

свои знаменитыя рѣчи о религіи, говорилъ блестящія ораторскимъ вдохновеніемъ проповѣди, написалъ догматику. Предполагая, что безжизненность и сухость догматики зависятъ отъ подчиненія ея символическимъ книгамъ, которое, связывая полетъ мысли и чувства богослова, сообщаетъ догматикѣ характеръ неподвижной, окоченѣлой доктрины, не отвѣчающей духу и потребностямъ того или иного времени, Шлейермахеръ для устраненія этихъ недостатковъ догматики и сообщенія ей плодотворности и вліятельности отвергнулъ символическія книги какъ нормы для догматики, не смотря на то, что онъ былъ преданнымъ сыномъ своего исповѣданія, и построилъ свою догматику на философско-психологическомъ принципѣ,—на понятіи о чувствѣ всецѣлой зависимости человѣка отъ Бога. Слова М. Б. о Шлейермахерѣ: „замыслы построенія символической догматики окончились для него раціонализмомъ“, выразили мою мысль и дѣйствительность какъ разъ на выворотъ: нужно было сказать: *антисимволической* догматики. Символическая догматика—обычная, общепринятая. Ее-то Шлейермахеръ и призналъ не соотвѣтствующей интересамъ вѣры и религіознаго чувства, потребностямъ и запросамъ жизни, духу времени, а потому и не вліяющей на жизнь. Какъ произведеніе учено-философское, догматика Шлейермахера представляетъ блестящій и даже почти исключительный опытъ построенія этой науки изъ одного реальнаго принципа. Но за то она не только не могла быть церковной догматикой, отрѣшившись отъ узъ символическаго ученія того исповѣданія, къ которому принадлежалъ ея авторъ, но и не осталась вполнѣ вѣрною ученію Священнаго Писанія. Тѣхъ возвышенныхъ, благородныхъ цѣлей, къ которымъ была направлена ученая дѣятельность Шлейермахера, своей догматикой онъ не достигъ. Правда, онъ содѣйствовалъ возбужденію религіознаго духа въ своемъ отечествѣ и привлекъ вниманіе образованнаго общества къ богословію, но не потому, что написалъ философско-психологическую или антропологическую догматику, а потому, что онъ былъ выдающійся по своимъ талантамъ богословъ, плодovitый писатель, блестящій проповѣдникъ и глубоко религіозный человекъ. Въ Берлинѣ онъ соперничалъ по силѣ своего вліянія даже съ Гегелемъ,—совершенно и давно забытымъ, но все-

могущимъ въ свое время Гегелемъ. Не достигъ Шлейермахеръ своей догматикой и другой цѣли—примиренія рационалистическаго богословія съ церковнымъ богословіемъ. Догматика Шлейермахера выдержала много изданій; но въ Германіи это явленіе совсѣмъ не исключительное. На иностранныя языки она, кажется, не переведена, не смотря на то, что по своему принципу и задачѣ она какъ бы предназначена быть догматикой международной или, лучше, междухристіанской, подходящей для всякаго христіанина, къ какому бы исповѣданію онъ ни принадлежалъ и какого бы образа мыслей онъ ни держался.

Говоря это, я отнюдь не желаю, чтобы новыя догматики были копіями старыхъ. Почти всѣ мои возраженія какъ въ отзывѣ, такъ и на диспутѣ отмѣчали дурные плоды рабской зависимости отъ догматическихъ системъ и другихъ пособій книги о. Малиновскаго.

Могутъ быть даже пролагаемы новыя пути въ построеніи и раскрытіи догматикъ, какъ и другихъ богословскихъ и небогословскихъ наукъ. Могу сослаться даже на самого себя, какъ автора книги „Любовь Божественная“, которая представляетъ опытъ построенія догматики и раскрытія главныхъ частей ея и отдѣльныхъ догматовъ, существенно отличный отъ обыкновенныхъ системъ этой науки. Догматы, какъ истины божественныя, неизмѣнны и неприкосновенны. Но уясненіе и раскрытіе ихъ въ сознаніи людей, силою разума и чувства, всегда подвергалось перемѣнамъ и всегда будетъ подлежать имъ. Что эти перемѣны не всегда вели къ улучшенію, а часто и къ ухудшенію дѣла—это неизбежное зло, имѣющее своимъ источникомъ несовершенство человѣческой природы, доброй и вмѣстѣ злой, несовершенство міра, прекраснаго, но и лежащаго во злѣ. Заблужденія въ области вѣры и въ наукѣ о вѣрѣ бывали очень глубокія и пагубныя, но это не только не обязываетъ насъ въ богословствованіи толочься на одномъ мѣстѣ, а, напротивъ, прямо обязываетъ богослововъ прилагать всѣ усилія къ усовершенствованію богословія. Богословіе—дѣло человѣческое и, какъ таковое, имѣетъ достоинства и недостатки, а потому и должно быть совершенствуемо.

Въ своей оцѣнкѣ труда о. Малиновскаго, какъ письменной, такъ и устной, я и старался показать, что онъ избѣ-

жалъ бы многихъ недостатковъ, если бы почерпалъ свѣдѣнія непосредственно изъ первоисточниковъ догматики, а не довѣрялъ пособіямъ. Но, съ другой стороны, въ защиту о. Малиновскаго и въ отзывѣ и на диспутъ я заявилъ, что нельзя быть и слишкомъ требовательнымъ къ его книгѣ, которая не есть монографія о какомъ-либо частномъ предметѣ, а курсъ, и притомъ курсъ именно догматики.

А. Бѣляевъ.
